

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

УДК 882.09-1

**«НОВЫЙ БИОГРАФИЗМ» В РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ
КОНЦА 1980-Х – НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ**

© Антон Афанасьев, Резеда Мухаметшина

**“NEW BIOGRAPHISM” IN RUSSIAN WOMEN’S PROSE OF THE LATE
1980s –EARLY 1990s**

Anton Afanasev, Rezeda Mukhametshina

This article studies the phenomenon of Russian women’s prose of the late 1980s–early 1990s. In their works, the women-writers who joined the “New Amazons” (1988) try to create a new, feminine picture of the world based on Judith Butler’s performative theory of gender and make the reader revise the established norms and stereotypes regarding the status of women in society.

Based on the collection “New Amazons” (1991), the article proves that, the writers used two main strategies - mythologization and “new biographism” to solve the problem of the relationship between women and Great History at the early stage of the new women’s literature development. This article gives a detailed analysis of the concept “new biographism” and the main theoretical issues related to this term. The story “Penitential Days, or Waiting for the End of the World” by Nina Gorlanova is chosen as one of the representative texts from the collection “New Amazons”, for it most fully reflects the strategy of the “new biographism”.

The article concludes that the talk about the impending cataclysm in one provincial city, which is the basis of the plot, is replaced by conversations and sketches about the cataclysm as a state in which the USSR finds itself during the perestroika. Phrases and dialogues about Great History are included in the context of everyday life, the daily routine of a Soviet woman, an intellectual. The main character builds her relationships with History in the framework of two strategies – irony and penitence.

Keywords: modern women’s literature, “New Amazons”, “New Biographism”, Nina Gorlanova, “Penitential Days, or Waiting for the End of the World”, Great History.

Статья посвящена исследованию феномена русской женской прозы конца 1980-х – начала 1990-х гг. Опираясь на перформативную теорию гендера Джудит Батлер, писательницы, объединившиеся в группу «Новые амазонки» (1988), в своих произведениях пытаются создать новую, фемальную картину мира, заставить читателя пересмотреть сложившиеся нормы и стереотипы относительно положения женщины в обществе.

На примере сборника «Новые амазонки» (1991) доказывается, что уже на раннем этапе становления новой женской литературы писательницы использовали в рамках решения проблемы взаимоотношения женщины и Большой Истории две основные стратегии – мифологизацию и «новый биографизм».

В статье дается подробный разбор понятия «новый биографизм», производится анализ основных теоретических вопросов, связанных с этим термином. В качестве одного из репрезентативных текстов сборника «Новые амазонки», наиболее полно отражающего стратегию «нового биографизма», выбран рассказ Нины Горлановой «Покаянные дни, или В ожидании конца света».

В результате исследования делается вывод о том, что разговоры о грядущем катаклизме в одном провинциальном городе, лежащие в основе сюжета, заменяются разговорами и зарисовками о катаклизме как состоянии, в котором находится СССР во время перестройки. Фразы и диалоги про Большую Историю включаются в контекст повседневности, обыденности, быта советского интеллигента-женщины. Главная героиня выстраивает свои отношения с Историей в рамках двух стратегий – иронии и покаяния.

Ключевые слова: современная женская литература, «Новые амазонки», «новый биографизм», Нина Горланова, «Покаянные дни, или В ожидании конца света», Большая История.

Конец 1980-х – начала 1990-х гг. является важным этапом в развитии отечественной женской литературы. В 1988 году возникает литературная группа женщин-писательниц «Новые амазонки», манифестировавших исключительность женской картины мира и новый стиль письма (см. подр.: [Василенко], [Улюра]).

Примерно в это же время в трудах одного из авторитетнейших философов современности Джудит Батлер артикулируется перформативная теория гендера. Суть этой концепции состоит в следующем: «то, что считается „нормальным“ поведением мужчин и женщин, на самом деле является лишь социально-политическим конструктом, системой норм и правил. Навязанные с детства, они дискурсивно (то есть через речевые акты, повторяющиеся действия и узаконенные культурные смыслы) „впечатывают“ гендерную принадлежность в каждого. На деле же субъект сам по себе есть „ничто“, „пустая форма“, которая может быть заполнена любым содержанием. Потому „проблема идентичности субъекта – это проблема конструирования его символического статуса в системе социальных, в том числе гендерных, отношений, сам субъект – это не онтологическая сущность, но социальный конструкт“» [Курюмова, с. 327].

Опираясь на батлеровскую теорию, «новые амазонки» в своих произведениях пытаются создать новую, фемальную картину мира, заставить читателя пересмотреть сложившиеся нормы и стереотипы относительно положения женщины в обществе.

Формирование нового взгляда писательницы начали с работы над мифологией (в этом отношении показательно и название литературной группы). В манифесте, предваряющем сборник «Новые амазонки» (1991), установка на новую мифологию заявляется достаточно декларативно: «Новая амазонка не верит мифам, которые слышит с детских лет, и потому творит новые, что иногда помогает ей вспоминать и хорошо забытые <...> Ее девиз: миру – миф» [Новые амазонки, с. 3]. Практически каждая «амазонка» в своем творчестве начинает перекодировку уже сложившихся культурных мифов и архетипов. Так, Елена Тарасова в повести «Ты хорошо научился есть, Адам» обращается к ревизии библейских кодов и архетипов, Анна Наталия Малаховская в романе «Возвращение к Бабе-яге» работает со сказочными архетипами, Людмила Петрушевская в своих рассказах «Новые Робинзоны», «Новые Гамлеты» отталкивается от образов и мотивов классической литературы. И, конечно, происходит перекодировка сюжетов античной мифологии. Ярким образцом работы с античной

классикой является «Фиванский цикл» Нины Искренко.

Еще одной приметой женской литературы «новых амазонок» является так называемый «новый автобиографизм». Этот термин получил свое развернутое описание у Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого (к их определению мы вернемся чуть ниже). Развивает их положения Т. Н. Бреева, которая считает, что «говорить о „новом биографизме“ как о внутренне целостном явлении в рамках современной литературы вряд ли возможно, скорее, речь идет об одной из писательских стратегий, имеющей более или менее тотальный характер, т. е. заявляющей о себе в самых разных художественных парадигмах, но приобретающей в каждой из них свою особую функциональную направленность» [Бреева, с. 14]. В связи с этим исследователь выделяет три способа функционирования феномена «нового биографизма»: «растворение характера в романе» (в первую очередь это касается постмодернистской художественной парадигмы), авторская маска и формируемый ею «авторский сюжет» и перформативность (в «новой новой драме»).

Как показывает Т. Н. Бреева на примере анализа произведений Дины Рубиной, для женской прозы актуален именно второй вариант – появление авторской маски и «авторского сюжета». Действительно, названные структурные элементы можно обнаружить и в произведениях других представительниц женской прозы, например в прозе Людмилы Улицкой («Даниэль Штайн, переводчик», эпилог романа «Медея и ее дети»). Очень часто в произведениях указанных авторов взаимоотношения авторской маски с героями строятся «как с реально существующими личностями» [Там же, с. 15], а сюжетные линии маски и героев могут пересекаться. Вместе с тем в отечественной женской прозе существует корпус текстов, в которых сюжетная линия автобиографична, а вымышленных персонажей вовсе нет. Здесь можно выделить две авторские стратегии.

В рамках первой стратегии созданы такие произведения, как, например, «Меня зовут Женщина» Марии Арбатовой и «Жизнь советской девушки» Татьяны Москвиной. Мы их условно назовем беллетризованной автобиографией, поскольку автобиографическая стратегия сочетается здесь с активно формируемой феминистской картиной мира, с акцентированием того, что в центре повествования будет не просто личность, а женщина. «Большая История» является фоном для вспоминаемых событий из личной жизни автобиографической повествовательницы. Кроме того, в текстах Арбатовой и Москвиной можно

найти общие черты фемальной картины мира: «определенный круг общих тем, обусловленных женским опытом (роды, дети и т. д.), топосов (например, топос больницы или коммунальной кухни), образов и мотивов (круг – один из наиболее популярных образов женской литературы), а также интерес <...> к натуралистическим описаниям, к жизни тела» [Галиева].

Произведения, написанные в рамках второй стратегии, являются яркой иллюстрацией того смысла термина «новый автобиографизм», что вкладывают в него Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий. По их мнению, авторы, работающие в рамках стратегии «нового биографизма» «вспоминают повседневность, а не события, помеченные печатью „Большой Истории“, и вспоминают не через много лет, а с достаточно близкой временной дистанции, превращая в персонажей мемуаров живых и активных коллег-современников <...> Эти произведения также посвящены истории поединка личности с хаосом жизни, в данном случае – через построение родной современности как единственного, изнутри освоенного и наполненного субъективными смыслами и связями, только автору принадлежащего отрезка истории и вечности. Достоверность же личности автора (он же центральный герой), среды, персонажей придает этому философскому эксперименту реалистическую убедительность» [Лейдерман, Липовецкий, с. 593–594]. Все процитированное может быть спроецировано на художественные тексты русской женской прозы конца 1980-х – начала 1990-х гг. Наиболее репрезентативным произведением из сборника «Новые амазонки» является рассказ Нины Горлановой «Покаянные дни, или В ожидании конца света».

Сюжетная канва произведения предельно проста: «В Перми ожидается катаклизм в виде землетрясения и последующего за ним наводнения (прорвет плотину)» [Новые амазонки, с. 20], который должен состояться «шестьдесят второго числа», и все люди – от ребятишек младших групп детского сада до гениев-алкоголиков, выпивающих в квартире повествовательницы, – обсуждают предстоящий Апокалипсис. Однако по мере развития сюжета разговоры о грядущем катаклизме в одном провинциальном городе заменяются разговорами и зарисовками о катаклизме как состоянии, в котором находится СССР во время перестройки. На страницах рассказа появляются фигуры Горбачева, Чумака (– *Толя, я к тебе, что ли, буду ездить лечиться по телевизору? – У Чумака? Ты думаешь: он лечит? Да он внушает всей стране любовь к Горбачеву, а вы поверили: лечит... Святая простота!* [Там же, с. 16]), Сахарова, Нины Андреевой, упоминаются

землетрясение в Армении, антисемитские акции общества «Память» и т. д. Однако фразы и диалоги про Большую Историю включаются в контекст повседневности, обыденности, быта советского интеллигента. Прежде всего бросается в глаза актуализируемый на протяжении всего рассказа мотив бедности:

– Мама, ты мне купишь гусенка? – опять умоляет Агния.

Скоро ей исполнится пять, видимо, она намекает на подарок в виде гусенка, но у нас уже есть кошка с четырьмя котятками на данный момент, но у Гумилева Коли вообще были белки, птицы, белые мыши и морские свинки – все сразу, а у моих детей только кошка... Обещаю купить [Там же, с. 7].

Причем по ходу действия бедность начинает приобретать тотальный характер и распространяться не только на интеллигентские семьи, но и на всю страну:

Приступ за приступом. Почки. И телевизора у нас нет, чтоб у Чумака лечиться, и денег на него нет. Аптеки пустые – ни невидимона, ни нитроколина [Там же, с. 16].

В образе главной героини акцентируется и такая черта характера, присущая интеллигенту, как помощь / сострадание другому:

Письмо о масле опубликовала «Советская молодежь». Женщина два года лежит в параличе и криком кричит от боли, когда ее переворачивают. Пролежни. А масла нет. И я решила: надо достать [Там же, с. 25].

Далее описываются хождения героини по различным инстанциям, однако эти хождения положительного результата не приносят.

Нельзя не сказать и о первой части названия – «Покаянные дни». На поверхности лежит перекличка с неоднократно самой Горлановой упоминаемой в рассказе книгой И. А. Бунина «Окаянные дни». Впервые она опубликована в СССР именно во времена перестройки. Рассказ Нины Горлановой близок бунинскому тексту по общему восприятию исторических перемен в стране как катастрофы / катаклизма и обнаружению происходящего в стране абсурда. Героиня Нины Горлановой осознает, что изменить ход Большой Истории она не в состоянии (ей не удастся достичь даже маленьких побед – см. упомянутый выше эпизод с маслом). Поэтому героиня выстраивает свои отношения с Историей в рамках двух стратегий. Первая – ирония. Абсурд, который происходит в настоящем, нельзя воспринимать серьезно, иначе он тебя погубит. Спасись

от абсурда истории можно только ироничным отношением к ней:

Вот среди привычного потока мыслей, параллельных бунинским «Окаянным дням», вдруг вижу: демонстрация «Памяти» идет к памятнику Свердлову (он у завода Свердлова, за моей спиной). Человек тридцать, все в черном! Среди бела дня, по аллее Комсомольского проспекта! С плакатами все. Впереди кто-то руками размахивает, митингует. И две метлы несут. Видимо, рядом с плакатом: «Выметем евреев из СССР».

Лихорадочно соображаю: засесть в кустах и закидать их грязью (благо ее навалом вокруг) или подбежать и крикнуть что-нибудь им вызывающее, вроде того, что выгоним евреев и совсем Нобелевских премий не будет. Такой генотип, радовались бы, что есть талантливая нация, можно скрешиваться...

А сама между тем бегу навстречу, ну и они тоже не стоят на месте. Вдруг вижу: это домоуправша ведет отряд дворничих куда-то со скребками, что-то срочно очистить нужно, кажется, овощной летний магазин, который за зиму зас...ли. Дворничихи идти не хотят. Домоуправша размахивает руками, убеждает. Все в черных халатах, как водится. Ну и две метлы. Проклятый дым от пожара! А если б я не побежала, а засела в кустах и обстреляла их грязью! Утром областная газета бы сообщила: «Преступность растет. Вчера известная экстремистски настроенная писательница Горланова закидала из кустов грязью группу дворничих, мирно идущих по своим очистительным делам» [Там же, с. 20].

Здесь замечательно запараллелено шествие двух отрядов – общества «Память» и дворничих, за счет чего происходит явное снижение образа первого отряда, а всему происходящему придается иронический подтекст.

Вторая стратегия – покаяние. Исследователи М. П. Абашева и Ю. Ю. Даниленко очень точно отмечают, что «ряд текстов Н. Горлановой почти целиком выдержан в жанре литании» [Абашева, Даниленко, с. 57], в том числе и рассказ «Покаянные дни, или В ожидании конца света». Исследователи поясняют: «Понятие „литания“ восходит к церковному лексикону и означает мольбу, молитву. Н. Рис понимает под литаниями жанры разговорной речи, в которых говорящий „излагает свои жалобы, обиды, тревоги по поводу разного рода неприятностей, несчастий, болезней, утрат, а в конце произносит какую-нибудь обобщенно-фаталистическую фразу или горестный риторический вопрос (например, „Ну почему у нас все так плохо?“) Завершить литанию может тяжкий вздох, выражающий разочарование и покорность судьбе“. Именно интонации литании слышны в разговорах по душам и застольных беседах, воспроизводимых в прозе Н. Горлановой» [Там же, с. 56–57]. «Неужели не

все позади?» – этим вопросом заканчивается рассказ Нины Горлановой. Землетрясение не произошло, но в «Комсомолке» от 18 августа помещена заметка:

Одним недобрый апрельским утром жители Прикамья проснулись от неясного, грозного гула... Разразилось шестибальное землетрясение. Очередной природный катаклизм был бы обречен затеряться в длинном ряду преследующих нас стихийных бедствий, если б не одно обстоятельство. Именно в районе землетрясения в 100 км друг от друга возводятся две АЭС... [Новые амазонки, с. 31].

Все, что посылает судьба, нужно принимать и, конечно, не забывать про покаяние, особенно если Апокалипсис уже не так далеко – так можно сформулировать еще одну мысль Нины Горлановой.

Список литературы

Абашева М. П., Даниленко Ю. Ю. «Русские разговоры» в современной прозе (случай Н. Горлановой) // Филологический класс. 2007. № 17. С. 54–57.

Бреева Т. Н. «Новый биографизм» в современной русской литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 4 (30). С. 14–17.

Василенко С. «Новые амазонки» (Об истории первой литературной женской писательской группы. Постсоветское время). URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/vasilenko_e.htm (дата обращения: 01.05.2018).

Галиева Ж. «Женская проза» в литературном процессе 1980–1990-х гг. (на материале творчества Нины Горлановой) // Новый филологический вестник. 2005. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-proza-v-literaturnom-protsesse-1980-1990-h-gg-na-materiale-tvorchestva-niny-gorlanovoy> (дата обращения: 01.05.2018).

Курюмова Н. В. Женская субъективность и современный танец // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 324–329.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. 1950-е – 1990-е годы. В 2-х тт. Т. 2. М.: Академия, 2003. 686 с.

Новые амазонки. М.: Московский рабочий, 1991. 367 с.

Улуро А. А. «Новые амазонки» как текст: женское и феминистское в русской литературе 1990-х. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/31014/23-Ulura.pdf?sequence=1> (дата обращения: 01.05.2018).

References

Abasheva, M. P., Danilenko, Iu. Iu. (2007). "Russkie razgovory" v sovremennoi proze (sluchai N. Gorlanovoi) ["Russian Conversations" in Modern Prose (the case of N. Gorlanova)]. Filologicheskii klass. No 17, pp. 54–57. (In Russian)

Breeva, T. N. (2012). "Novyi biografizm" v sovremennoi russkoi literature ["New Biographism" in Modern Russian Literature]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 4 (30), pp. 14–17. (In Russian)

Galieva, Zh. (2005). "Zhenskaia proza" v literaturnom protsesse 1980–1990-kh gg. (na materiale tvorchestva Niny Gorlanovoi) ["Women's Prose" in the Literary Process of the 1980s–1990s (Based on Nina Gorlanova's Works)]. *Novyi filologicheskii vestnik*. No 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-proza-v-literaturnom-protsesse-1980-1990-h-gg-na-materiale-tvorchestva-niny-gorlanovoy> (accessed: 01.05.2018). (In Russian)

Kuriumova, N. V. (2016). *Zhenskaia sub"ektivnost' i sovremnyi tanets* [Female Subjectivity and Contemporary Dance]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. No. 6, pp. 324–329. (In Russian)

Leiderman, N. L., Lipovetskii, M. N. (2003). *Sovremennaia russkaia literatura. 1950-e – 1990-e gody. V*

2-kh tt. T. 2. [Modern Russian Literature. 1950s – 1990s. In Two Volumes]. T. 2. 686 p. Moscow, Akademiia. (In Russian)

Novye amazonki (1991) [New Amazons]. 367 p. Moscow, Moskovskii rabochii. (In Russian)

Uliura, A. A. "Novye amazonki" kak te(k)st: zhenskoe i feministское v russkoi literature 1990-kh ["New Amazons" as Text/Test: Women's and Feminist Trends in Russian Literature of the 1990s]. URL: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/31014/23-Ulura.pdf?sequence=1> (accessed: 01.05.2018). (In Russian)

Vasilenko, S. "Novye amazonki" (Ob istorii pervoi literaturnoi zhenskoi pisatel'skoi grupy. Postsovetskoe vremia) ["New Amazons" (On the History of the First Literary Group of Women Writers. Post-Soviet Times)]. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/vasilenko_e.htm (accessed: 01.05.2018). (In Russian)

The article was submitted on 11.09.2018

Поступила в редакцию 11.09.2018

Афанасьев Антон Сергеевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
a.s.afanasyev@mail.ru

Afanasev Anton Sergeevich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
a.s.afanasyev@mail.ru

Мухаметшина Резеда Фаилевна,
доктор педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
rezedafm@bk.ru

Mukhametshina Rezeda Failevna,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
rezedafm@bk.ru